

Молодость

ОРГАН ПАРТКОМА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, РЕКТОРАТА ОГПИ ИМ. ГОРЬКОГО

№ 26 (160)

Суббота, 11 октября 1969 г.

Год издания V
Цена 1 коп.

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ

ПЕРВАЯ ПЛИТА

едва успеваем поворачивать головы то к машинам, на которых лежат плиты, то к котловану, в котором эти плиты исчезают. А перед глазами — просторные аудитории с новой мебелью, большая комната, на дверях которой — «Комитет ВЛКСМ», в такой же большой комнате работает профком, наконец-то есть место для организации редакционных летучек, «круглых столов» у институтской газеты «Молодость». Нашим алчным взором представляется всеобщее удовлетворение.

Но мы размечтались. До этого пока еще далеко. Пока что бульдозерист Д. В. Кравецкий (трест строймеханизации УМ-1), тот самый, который со своим бульдозером расчистил всю площадку под строительство, говорит:

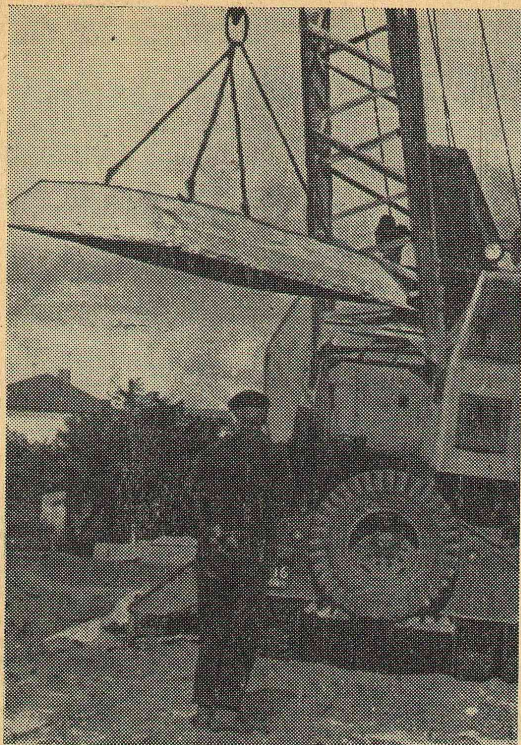
— Как же, очень приятно работать и знать, что здесь институт будет. Это ж храм, как говорят. Что ни говори, а

институт строить даже приятнее, чем дом жилой.

Для того, чтобы институт был построен в возможно более короткий срок, нужны объединенные усилия строителей и студентов. Реальным вкладом комсомольцев в подготовку к Ленинскому юбилею будет работа на строительстве нового здания института.

Студенты нифака уже работали на рытье котлована, всем студентам предстоит отработать по смене на кирпичном заводе (для стройки нужны материалы). На строительстве будет создан комсомольский пост.

А пока что мы стоим у котлована, и кран поднимает, медленно и торжественно переносит плиты. Плиты в фундамент нового института.

МЫ СТОИМ в библиотеке. Строго говоря, это еще далеко не библиотека, даже больше: на нее нет никакого намека. Но по плану, заученному всеми наизусть, здесь будет библиотека, а вот там, наискосок, на улице Косарева, — спортивный зал, а где-то на Коммунистической — просторный виварий.

Сегодня 18 сентября. Сейчас 4 часа дня. Именно сейчас мы стали на маленький шаг ближе к тому, что через несколько лет будет на-

зваться нашим институтом. Только что крановщик Леонид Лопатин опустил первую плиту в фундамент нового корпуса института. Ее с усмешечкой называют фундаментным башмачком, а весу в том «башмачке» — 2,5 тонны. Большущий кран грузоподъемностью 6 тонн плавно развернулся, подцепил «башмак», покачал его в воздухе и припечатал к углублению в котловане. Снова плавный разворот — еще одна плита ложится рядом с первой. Мы

Верхний снимок: вот она, первая плита. Нижний: студенты нифака на строительстве.

Слово к друзьям газет

Начинается учебный год. Институтская газета будет выходить еженедельно, по субботам каждый студент сможет купить ее. Но будет гораздо лучше, если студенты подпишутся на газету. Подписная цена газеты на год — 50 копеек.

Важно и другое. Нам надо сделать газету интересной, но цель будет достигнута только тогда, когда каждый студент будет заинтересован в этом. И наше доброе пожелание всем студентам: нам интересно всё, что занимает вас. Приходите к нам в редакцию, рассказывайте о делах

на вашем факультете, в вашей группе. Все, что по нашему общему согласию сможет привлечь внимание других студентов, мы опубликуем в газете.

Приходите и с написанными рассказами, стихами, заметками, смешными и остроумными высказываниями. Все это будет в дружеской беседе обсуждено, если потребуется, общими усилиями поправлено и тоже найдет место в газете.

Мы ждем вас, друзья газеты! Мы хотим, чтобы вы были в каждой группе.

Для вас на факультете общественных профессий организована школа журналистики.

Первое занятие состоится 16 октября в 7.30. Встретимся в 110-й комнате нового здания.

РЕДАКЦИЯ

СИЛА МАТРИАРХАТА

ДАВНЫМ-ДАВНО (осенью прошлого года) в некотором царстве (Нижнеомском районе), в некотором государстве (совхозе «Береговой»), за тридевять земель (в ста пятидесяти километрах от Омска), жило-было одно маленькое племя (23 группа филфана). Жило это племя в очень жаркое время (в период уборочной кампаньи).

Было племя очень дружное, веселое. Занималось оно земледелием: извлечением корешков из недр необъятного картофельного поля.

Питалось племя в основном корешками. Большими и маленькими, оваллистыми и неопределенными по форме, красными и белыми по цвету, жареными и печеными по консистенции, сырыми или совершенно пригодными к употреблению. В пищу, разумеется.

На поле картофельное ходили всем племенем, дабы не заблудиться, ибо был случай такой, когда часть племени потерялась... Лишь мужественный Туривик спас измученных людей от верной гибели. Как Данко с горящим сердцем, вывел он их на родное картофельное полюшко.

Приходило племя на поле рано. Работать начинало поздно. Насчитывалось в племени двадцать два человека. 19+3. Три мужского рода. Колямал, Туривик и Грикля. Два чело-

века женского рода дома оставались. Очаг поддерживали, пищу для племени готовили.

СНАЧАЛА все шло хорошо. Вырывали из сырой земли, разрезая пополам, корешки, бросали в разбитое ведро (если оно было с дном), высыпали вместе с землей в тележку и отправляли в... подвал, где корешки волновались, мучались, охали, ахали и в конце концов смирились. Лишь мокрые места в подвале напоминали о печальной судьбе корешков.

Так бы продолжалось и дальше, если бы не набросилось племя на тройку мужскую. Стало оно клеймить позором их за то, что плохо работают: со скоростью стрелы картошку копают, помогают носить ее и тележку разгружают. Особенно негодовали старейшины. Издевались, мучали они тройку.

Взволновались мужчины. Переполнилась чаша терпения. Решили они порвать с племенем, с матриархатом.

И вот, когда стройные березки сбросили свой золотой наряд, подвернулся самый удобный случай. Решили уйти раньше с поля. Колямал стал колебаться.

— Семеро одного не ждут, — сказали Туривик и Грикля. И Колямал был вынужден покинуть поле.

Пуше прежнего разгнева-

лись старейшины. Собрали вече и изгнали мужчин из племени. Но не опечалилась мужская тройка, а лишь обрадовалась.

— Да это же сущий матриархат! — крича объяснял Колямал полководцу изгнанных мужчин из племени.

— Нить там невозможно, — добавил Туривик, — мы копаем, а они, пятнадцать человек, выбирают, им помогаем, ведра носим, а они, скажите, еще и недовольны.

— Словом, отделились от них, будем работать отдель-

— Мы им утрем нос, — так подумали они про себя. Решили, создав свою бригаду «Патриархат», не уходить с поля, не собрав трех тонн картофеля. Тонну должен собрать каждый! — настаивал Колямал.

Туривик моментально перевел тонны в рубли и сообщил: четырнадцать рублей в день!

— Тонну? Сможем, — улыбается Грикля.

— Так... За три дня.. Сорок два рубля, — продолжает Колямал.

Из редакционных архивов

но, — вмешался Грикля.

— Изгнание — наше спасение. Кроме собственных целей, мы ничего не теряем, — делает философский вывод Колямал.

Не успел разговор окончиться — племя идет. Пронзительно-злые взгляды старейшин видны.

— О! — иронически восклицает Зокара, — теперь и погулять можно!

— Поспать, сходить на рыбалку, — добавляет другая старейшина.

— Ничего, — успокаивает Колямал, глядя во след племени, — мы им еще покажем!

— Отлично! — радуется Грикля.

— Ну, сорок много, а тридцать должны, иначе... — решает Туривик.

Под девизом «Тонна на одного», с примитивными орудиями труда бригада «Патриархат» бросилась в поле.

Дружно взялись они за работу. Грикля даже фуфайку и свитер с собой сбросил, стал он быстрее молнии носиться по полю, корешок за корешком из земли выбрасывать.

От зари до заката работали, не отдыхая. И боиния плодородия отблагодарила их за труды: вечером на поле высиделась трехтонная куча

картошки. Обрадовались члены «Патриархата». На следующий день еще раньше вышли в поле.

Увидели огромную кучу старейшины племени. Жадные глаза злостью налились. Собрали они племя, начали митинговать, жестокую кару придумывать. А Колямал, Туривик и Грикля словно не замечали их. Знай себе, работают.

В это время мимо проезжал Иван Иванович — директор совхозный. Взял и заехал на поле.

Стали старейшины жаловаться, мужчин осуждать. Поверил им директор, пошел и привел Туривика и Колямала к племени. Только Грикля остался, не пошел он за Иваном Ивановичем.

Окружило племя двоих «патриарховцев» и стало бить по ним со всех сторон. И справа подденут, и слева. Прикрывались, прикрывались они, да обессилили. Нечего делать. Пришлось согласиться с племенем и поехать корешки в подвал сбрасывать.

А Грикля пошел во чисто поле. Бродил он, бродил по полям, да и двинулся помогать тележку разгружать.

Не воин в поле один. Уж слишком огромна чудотворная сила матриархата.

Примечание: Зокара — Зоя Коровашкина.

Колямал — Николай Чебоксаров, по прозвищу Колямаленький.

Туривик — Виктор Туривский.

ГРИКЛЯ — автор строк.

О ХОРОШЕМ ОТДЫХЕ, УЮТНОМ лагере и

В. РАССОМАХИН,
начальник лагеря,
С. МАМАЕВА,
замполит лагеря.

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ

ЗВОН СОСНЫ

СОСНЫ действительно звенят. Тихими прозрачными утрами с них падают с легким звоном сухие шишки, ночами в теплыни слышно, как иглы касаются друг друга, и тогда снова звенит, звенит...

Газету назвали «Звон сосны». Художники хихикали: «Ну, и название — вон с сосны. Вообще-то, наверно, воспитательное значение имеет, а, комиссар?»

Художники часто над нами подхихивают.

— Все хорошо, только вместо комиссара атаман: никогда в платье не видели, все в брюках.

— Все хорошо, только кормежка, как для людей ответственного труда. А мы же не из тех...

А они, и правда, чуть расцвет забрежид, — этиодники на плечо — и подались подальше от воды и поперек исхоженных мест, писать этюды на настроение. Потом, поглядев укоризненно и обиженно в пустую тарелку изпод наши или еще какой-нибудь ерунды, подтянув оскор-

резов игл, под жаркое томление солнца после знойной «Африки» и 15-минутного перерода по выжженному луку жуждно два мертвых часа.

Но делать-то что-то надо. А так хорошо просто лежать и смотреть на начинающиеся верхушки... Звенит, звенит...

КСТАТИ О СПЕЦИФИКЕ, ИЛИ «МЕЧТА»

ПРИЕХАЛА комиссия. Ходят, смотрят. Обошли наш огромный пень, ставший зонтиком, разглядели рожденные фантазией, домысленные руками художника фигурки в корнях пня. Летящий олень, жуткий Кощей... «Мило, мило! Оригинально!», — и в лоб.

— Говорят, у вас на будущий год самолет будет?

— Почему? — ошепили мы.

— Под преподавательский салон. Опять же для интерьера. А хорошо бы вам в оборудовании свою специфику отразить. Парты, на худой конец.

Мы глотаем горькую пилюлю иронии и задумываемся. В абсолютно пустом нашем клубе, выполненном по образцу добротной конюшни, нет никакой мебели, нет даже скамеек по стенкам (уж не до хорошего). А через дощатую изгородь живут медведи, у которых в клуб вывезены из города подержанные, но опрятные, вновь покрашенные деревянные диваны, точь-в-точь такие, как в наших больших лекционных залах. Вот если бы и нам...

Клуб назвали «Мечта». Виталька Вялов, художник, два дня торчал на лестнице с ворабами наравне и ухитрился сделать название впечатляющим не столько по содержанию, сколько по форме. Над содержанием втихомолку издевались, советовали поставить в кавычки. Ну, что ж. А мы и в самом деле мечтаем о большом уютном клубе, светлом внутри, скорее жилого, чем стойлового типа. А пока мы мечтаем о малом: этот бы наш клуб да внутри обшить досками, онтукатурить, покрасить в веселые тона (что-то белое, светло-зеленое), поставить шкафы с книгами, столки — будет великодушная библиотека с читальным залом. И как нельзя лучше отражена просветительская специфика института. А клуб... Все равно без него не обойтись. Надо строить новый.

Но пока что студенты по одному втискиваются в маленький чуланчик, напрягают зрение, чтобы разглядеть на полке книжки, а я, сидя на корточках, записываю в формуляр выбранные (стула, а тем более стола поставить негде). Сколько проблем разрешалось бы, если б существовал читальный зал — не игрушечный, не «понарошку», а настоящий, где можно было бы провести и конференцию, и диспут, и политивформацию, и, сидя на чистых, нормального вида снамейках,

посмотреть телевизор. Мечта, мечта!

Встряхиваемся. Пока к этому не подключилась авторитетная комиссия, существующая уже второй месяц, все наши мечты — пустая маниловщина. Надо работать.

ГДЕ РАДИСТ ЖИВЕТ, ИЛИ КОЕ-ЧТО ИЗ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

ЖИЛ радист в радиорубке. Володя Христоволов. Жил, жил и... исчез. Не стало. Будить народ утром некому, живем, как в лесу. Вздумали искать. Один раз обнаружилось, что в городе радист. По экстремным делам поехал. К другу на дачу. И не самовольно: начальник отпустил. Основательно потерялся он вторично. Где? Опять же в городе, отпуск кончился, уехал. Что делать? Аппаратура осталась, лето продолжается, студенты в лагере живут. На счастье нашлись в лагере отдыхающие-добровольцы: директор детской художественной школы № 2 выпускник института Юрий Кожевников да девятиклассник Витя Тамбовцев. Так по очереди они и работали. И мы считаем, что нам повезло, поскольку по непонятным причинам ни начальник лагеря, ни заместитель не были допущены к самостоятельному подбору кадров. Работать же с людьми, которых совсем не знаешь, с которыми даже не разговаривал накануне сезона, очень и очень трудно. Особенно, если у этих людей отбуксы и они не чувствуют за собой никакой ответственности.

Может быть, на будущий год руководство лагеря и все ответственные за его нормальную работу строже отнесутся к подбору кадров и будут этим заниматься не в последние дни. Хорошо бы.

ЧЕТВЕРТОЕ МЕСТО

В традиционной летней спартакиаде наши команды заняли первое место по баскетболу (женщины), второе место по волейболу (тоже женщины), третье — по легкой атлетике, шахматам и ручному мячу (мужчины), четвертое — по баскетболу и волейболу среди мужчин, пятое — по настольному теннису и бадмингону. На тание виды, как плавание, городки, футбол, команды не были выставлены вовсе. Размышляя над печальным четвертым местом (из шести), вспоминаем год, когда за постановку спортивной работы лагерь был награжден дипломом Министерства и денежной премией. Что же произошло с тех пор?

Все довольно просто. Первая причина определяется сакраментальной фразой: не тот пошел студент. Фраза может вызвать справедливое раздражение, и все же... Все же это так. Речь идет не о студенте вообще, а о той категории, которая теперь по преимуществу населяет лагерь. «Амфи-

бии», в шутку называются эти студенты. Не умеющие плавать. Они приезжают в лагерь за зачетом, главным образом на теплый и солнечный первый сезон. Учатся держаться на воде, научившись, без промедления сдают зачет и уезжают. Пока живут, с трудом терпят лагерные порядки. Так и в этом году. Можно с уверенностью сказать, что все вторые и третьи места (кроме шахмат) нам сделали студенты художественно-графического факультета, бывшие на пленере. Первое место заняли девушки-баскетболистки, вместе с тренером А. Д. Бердиной приехавшие на сборы. Организацией легкоатлетов занималась Г. С. Купря. Вот и все. Помнится, несколько лет назад проводились летние сборы в спортлагере. Целые секции во главе с тренерами выезжали в лагерь. Теперь эта прекрасная традиция незаслуженно забыта — результат не замедлил сказаться: студентов трудно вывести даже на зарядку.

А отсюда и вторая причина четвертого места и «баранок» по некоторым видам: во втором и третьем сезоне на всех студентов лагеря был один преподаватель физвоспитания — он и начальник лагеря, он и заместитель начальника по спортивной работе. Сам себя замещал. И одному сделать

то, что в первом сезоне делали четверо, конечно, было трудно. «Одному» — потому что никого из преподавателей кафедры физвоспитания в августе не было в лагере. И это мы считаем тоже ненормальным, хотя, впрочем, это естественный итог слабо поставленной в институте летней спортивно-массовой работы.

Нужно заметить, что мы не гонимся за первым или вторым местом. Это приятно, но не главное. Главное — у нас есть возможность завоевать призовые места, но возможности эти в большинстве случаев используются неполноценно, а чаще и совсем не используются.

Вот сколько намечилось проблем, серьезных и неотложных. Они все больше организационного и хозяйственного плана. И мы очень надеемся на то, что созданная в институте постоянно действующая комиссия будет вплотную заниматься благоустройством лагеря с учетом потребностей не только преподавателей (строить новые домики — это хорошо, но главное ли это?), но и в первую очередь студентов и поможет в организации работы в нем.

Памяти

товарища

27 августа скоропостижно скончался студент второго курса художественно-графического факультета Виктор Вялов. Ему не исполнилось 24 лет.

Этот запоздалый некролог полон горечи и недоумения. Не хочется, нет, просто невозможно поверить, что Виктора больше нет с нами.

В своей короткой жизни он так мало успел: учился в школе, работал в леспромохозе в Томской тайге, любил могучий гордый лес, хотел рисовать, писал стихи. Он служил в армии, чинил радиоприемники; он работал в аэропорту и умел чувствовать сложную стремительную жизнь самолетов так, как в последние дни чувствовал свое больное сердце. Он многое умел, казалось даже, что нет такой вещи, которую Витя не мог делать. У него были сильные, умные руки.

Его любили ребята. Особенно заметно это стало в Чернолудье, на пленере. Он был душой компании. Каждый вечер парни собирались вместе, и Виктор «выступал». Он играл на гитаре, пел, показывал фокусы, завязав голову полотенцем на манер чалмы. Так, в чалме, он запомнился ребятам, видевшим телепередачу о буднях Чернолудья в начале августа. Тогда он еще был жив, и ребята досадовали, что он не может увидеть себя. Он умел сделать веселым и интересным любое дело, даже самое скучное, сдобнив его незамысловатой шуткой или просто своей доброй улыбкой.

С ним можно было говорить обо всем. Мы не предполагали даже, что он столько знает. Вдруг попались в «Литературке» стихи Асеева последних лет и он начал читать ранние его стихи, «Гусаров», о Маяковском. «Если бы я мог, я бы про все вокруг написал...», — сказал он однажды. Своих стихов он никому не показывал.

Его уважали преподаватели. Виктор был талантливым человеком, он обладал искрящейся фантазией, мягким юмором, большой любовью ко всему окружающему, всему живому — это делало и его работы интересными, своеобразными. Он с готовностью брался за любое дело, никогда ни от чего не отказывался, и все у него получалось.

Витя был удивительно живым человеком, сильным, честным, искренним с друзьями. И вот его нет. Это противостоительно. Человек умер в начале жизни. Умер отчасти от человеческого равнодушия, от того, что людям ничего не стоило пройти мимо лежащего на земле. Он многого хотел, главное — он страстно хотел стать художником. Ему было что сказать людям. И вот его нет. Нам больно.

Его друзья.

За редактора С. МАМАЕВА

бленный желудок ремнями, садятся (ирония судьбы!) возле той же столовой писать бочку! Ржавая бочка, из-за которой санкомиссия грызла нас все три сезона (а бочка и впрямь текла) горделиво позировала. Потом в позу встал старый, недостроенный с Ноева потопа сарай, в основе которого хранятся... ржавые кровати. Вот уж поистине и «он уважать себя заставил». Нам до слез хотелось бы, чтобы добрая натура отсутствовала. Сарай не было б — художники раздобыли б себе натуру, но как хорошо, если б его не было.

«Бы, бы, бы, если бы». Впрочем, где-то у нас появилась постоянно действующая комиссия по благоустройству лагеря. Может, скоро вместо «будет» скажем «есть». Вот бы да!

А пока на фоне бочки, сарая и спящего коммунального транспорта благоустраиваемся.

Кстати, о транспорте. Он как нельзя лучше выражает специфику транспортного института. Троллейбус — душ, трамвай — читальный зал. Просто и мужественно! Мы с членами совета лагеря наблюдаем. До чего же действительно человеческое слово: сказали, что в трамвае читальный зал, — и одна-развединая отдыхающая прилежно в нем читает. Впрочем, другие заняты тоже. И спим много. Под пе-

